

Двенадцать лет спустя двадцатилетний Линь Шэнь наконец понял: то, как он выглядит в военной форме, вызывает у Линь Исина, этого извращенца, настоящую бурю в крови...

Нет, не бурю. Звериную жажду.

Первого сентября в семье Линь состоялся торжественный прием. Главным героем вечера стал Линь Исин, новый молодой господин дома Линь.

Линь Исин был одет в вечерний костюм, шею украшал чисто черный галстук. Издалека в его облике угадывалась стать и благородство, совершенно не свойственные его юному возрасту.

Чэнь Цинъюй и Линь Ваньнань стояли на красном помосте перед микрофонами. Они держались уверенно, произнося дежурные любезности. Линь Шэнь и Линь Исин стояли рядом, словно два принца — невозмутимые, элегантные и полные достоинства перед лицом собравшейся толпы.

В главном зале царила суэта, скрывавшая интриги взрослых, но за домом раскинулся сад — излюбленное место детей. Чэнь Цинъюй отправила Линь Шэня и Линь Исина в сад, чтобы те пообщались с остальными ребятами.

Едва они подошли к саду, как, еще не видя никого, услышали звонкий детский смех.

— Да он просто сирота без роду и племени, никакой он не господин из дома Линь!

— Семья Линь богаче моей, и родители заставили меня принести Линь Исину подарок, чтобы я наладил с ним отношения. Но я не хочу играть с сиротой! Хорошо, что я догадался тихонько выбросить этот подарок...

— Говорят, все сироты больные, поэтому от них и отказались при рождении...

— А вдруг у него какая-нибудь зараза?

Шаги Линь Исина замерли. Линь Шэнь подсознательно взглянул на него и, заметив, что выражение лица брата не изменилось, облегченно выдохнул.

Галдящая толпа детей внезапно притихла, заметив их появление.

Линь Шэнь шагнул вперед, холодно обведя взглядом мальчишек.

Вперед вышел смелый толстяк лет десяти, приняв вид заправского главаря:

— Давайте уйдем в главный зал, здесь какая-то грязь, еще подцепим какую-нибудь заразу, будет беда!

Эти дети могли храбриться только за спиной, но, столкнувшись с хозяевами дома, тут же сникли. Стоило толстяку заговорить, как остальные поспешили поддержать его, собираясь поскорее сбежать.

Линь Шэнь приподнял бровь, в его глазах застыло спокойствие перед бурей. Голос прозвучал ледяным холодом:

— Вы тут прячетесь, чтобы дерьмо жрать? Рты у вас такие вонючие.

— Ты... ты как разговариваешь? У тебя вообще есть воспитание?

— Линь Шэнь, ты что, правда считаешь этого сироту своим братом?

— Подслушиваете нас, да еще и ругаетесь, совсем стыд потеряли...

Среди детей послышался шепот. Линь Исин оставался бесстрастным, но лицо Линь Шэня чернело на глазах.

Толстяк, подбадриваемый компанией, выпятился вперед и громко крикнул:

— Линь Шэнь, ты еще и злишься? Ты правда считаешь его братом? Ха-ха-ха...

— Принимать мусор за брата — значит, ты и сам мусор!

Как только прозвучали эти слова, в глазах Линь Исина, до того невозмутимых, блеснула кровожадная ярость. Он бросился вперед, словно хищный зверь — скорость его была столь невероятной, что все остолбенели.

Линь Шэнь воочию увидел, как Линь Исин сбил толстяка с ног, несмотря на то что тот был гораздо тяжелее хрупкого Исина. Линь Шэнь тут же пришел в себя и бросился на помощь, чтобы оттащить брата.

Линь Исин — настоящий псих, если его не остановить, дело дойдет до крови.

Двое мальчишек катались по земле, вцепившись друг в друга. Вес толстяка взял свое — он прижал Исина к земле и принялся орать:

— Ты просто никому не нужный мусор! Мусор остается мусором, даже если его подобрали с помойки!

Мусор? Да сам ты мусор! Линь Шэнь собирался растащить их, но вместо этого сам набросился на толстяка, повалил его и принялся колотить кулаками с таким азартом, что дух захватывало.

В пылу драки раздался глухой звук: по лбу толстяка потекла кровь, он закатил глаза и обмяк.

Линь Шэнь поднял голову и увидел, что Линь Исин сжимает в руке камень, а его глаза налились такой кровью, что, казалось, вот-вот лопнут.

Линь Исин замахнулся для второго удара, но Линь Шэнь вскочил, вцепился в него и изо всех сил вырвал камень из рук.

Дети, увидев драку, давно разбежались. Они привели взрослых, и те застали именно эту картину: толстяк лежит на земле с окровавленным лбом, а Линь Шэнь и Линь Исин стоят рядом, тяжело дыша, причем в руках у Линь Шэня — камень.

Толстяк вел себя так нагло, потому что его семья была очень влиятельной, не уступающей дому Линь. Поэтому, не разбираясь в причинах, Линь Ваньнань был обязан преподать урок.

— Хлесь!

Звук был резким — Линь Ваньнань ударил со всей силы.

Линь Шэнь опустил голову, на его белой щеке проступил красный след, который начал стремительно опухать.

Он крепко сжал руку Линь Исина, так сильно, что ногти впились в ладонь брата.

Линь Исин должен вытерпеть, он не должен признавать вину, иначе...

Линь Ваньнань и Чэнь Цинъюй не оставят этого опасного ребенка, а семья толстяка обязательно отомстит.

Линь Исин повернул голову и посмотрел на Линь Шэня. Тот стоял, опустив голову, с опухшим лицом, его длинные ресницы слегка дрожали, скрывая эмоции в глазах.

В сердце Линь Исина что-то сжалось, разливая горькую, терпкую печаль... но где-то глубоко пробилось и предчувствие сладости.

Потому что... Линь Шэнь защищал его.

Это был единственный человек в мире, который встал на его защиту.

Позже в его жизни будет бесчисленное множество юношей и девушек.

Но ни один из них не сможет привлечь его взгляд.

Толстяка отправили в больницу, Линь Ваньнань и Чэнь Цинъюй уехали следом.

— Вы двое, в таком возрасте, а уже за старое! Марш домой, сидеть в своих комнатах и размышлять о поведении!

Вернувшись, братья легли спать. В комнате было темно, никто не произнес ни слова, лишь тишина позволяла слышать дыхание друг друга.

Внезапно Линь Исин зашевелился, обнял Линь Шэня со спины и осторожно коснулся его лица:

— Еще болит?

После долгого молчания Линь Шэнь повернулся, обхватил ладонью затылок Линь Исина и, не мигая, уставился ему в глаза.

— Ты не сирота. Мой дом — это и твой дом.

— Никто тебя не бросал. Папа и мама хотят, чтобы ты был с нами, и я хочу.

Взгляд Линь Исина дрогнул, он опустил глаза.

— Они были правы. Я сирота, от которого отказались родители. Поэтому мне плевать на их слова.

Он начал драку не потому, что толстяк оскорбил его.

А потому, что тот посмел оскорбить Линь Шэня, пусть даже всего одной фразой.

Линь Шэнь закусил губу:

— Линь Исин, мы носим одну фамилию. Если кто-то ругает тебя, он ругает меня. Тебе плевать, а мне — нет.

Он притянул голову брата ближе и прошептал ему на ухо:

— Слушай сюда... Я подобрал тебя, значит, ты теперь мой. Пока я рядом, никто не смеет тебя обижать. С этого дня, если кто-то посмеет хоть слово сказать или пальцем тебя тронуть — я с ним насмерть сцеплюсь.

Линь Шэнь убрал руку.

— Спи.

Линь Исин смотрел, как Линь Шэнь погружается в сон, затем придвинулся и оставил легкий поцелуй на его губах.

— Шэнь-Шэнь...

— Шэнь-Шэнь...

Звучало это нежно и бесконечно преданно.

Начался учебный год: Линь Шэнь перешел в четвертый класс, Линь Исин — в шестой.

Каждый день Линь Шэнь спал на уроках. Стоило прозвенеть звонку с четвертого урока, как Линь Исин уже ждал его у дверей класса. С рюкзаками за спиной они выходили к школьным воротам, где их ждал Роллс-Ройс, и ехали домой.

Линь Исин садился за уроки, а Линь Шэнь валялся на кровати, бездельничая.

Дни шли так скучно, не пора ли устроить какой-нибудь переполох?

— Хозяин, ты еще не вырос, я советую тебе потерпеть еще несколько лет, — подала голос Система.

— Такая пошлость? В твоих базах данных, небось, гигабайты всякого мусора.

— Хозяин... если тебе понадобится, я могу устроить личный показ в твоём мозгу.

— Отвали.

Линь Шэнь нахмурился, глядя на спину Исина... этот тип по-прежнему был молчалив, как пень. Удалось ли хоть немного растопить его сердце?

— Нет, — ответила Система. Растопить — значит сделать твердость Линь Исина мягкой под воздействием тепла.

Линь Шэнь нахмурился. Когда же он выполнит задание?

— Хозяин, просто продолжай дарить ему любовь каждый день, и однажды у тебя все получится.

— К черту твою философию, у меня нет столько времени!

Линь Шэнь закрыл глаза, пытаясь придумать короткий путь. Думал-думал... и незаметно уснул.

Линь Исин обернулся и увидел, что Линь Шэнь спит. Наступила осень, в воздухе чувствовалась прохлада. Он встал, подошел к кровати, укрыл брата одеялом и оставил легкий поцелуй на его лбу.

Линь Шэнь придумал план: свести Линь Исина и Хэ Жаньжань.

Милая и мягкая девочка — лучший способ растопить сердце подростка. К тому же они были главными героями, и их союз был предопределен судьбой. Самое главное — чем раньше они сойдутся, тем быстрее Линь Исин поймет, что такое любовь, и его сердце оттаяет. Тогда и задание будет выполнено.

— Хозяин... я думаю, твой метод не очень хорош, — заметила Система. Ты же понимаешь, что отдаляешься от цели задания?

— Какое тебе дело? Если такая умная — предложи что-то свое!

— На самом деле тебе ничего не нужно делать, просто дождись, пока вы оба вырастаете...

— Вырастем? Разве мне не нужно просто подружиться с героем и согреть его? При чем тут взросление?

— Когда вырастаете, будет удобнее...

Линь Шэнь нахмурился: что еще за дела?

— Хозяин, это секрет.

Система знала: в текущей ситуации Линь Шэнь — непробиваемый натурал, и он скорее умрет, чем согласится.

— Пф, еще и секреты, — Линь Шэнь усмехнулся. Если бы они оба не были парнями, он бы еще мог что-то заподозрить.

Линь Шэнь превратился в Купидона, всеми силами пытаясь свести Исина и Жаньжань.

За обедом он предложил:

— Папа, мама, давайте пригласим Жаньжань пообедать с нами?

Если она будет есть за их столом, герои будут чаще видаться, исчезнет классовое различие, и они станут ближе.

— Хозяин, ты такой предусмотрительный, — съязвила Система.

— Спасибо за похвалу. И, пожалуйста, без сарказма.

— Почему бы тебе не взглянуть на лицо главного героя? Вот где настоящий сарказм.

Линь Шэнь посмотрел на Линь Исина, а тот тут же встал из-за стола и холодно бросил:

— Папа, мама, я наелся.

Он ушел наверх, даже не взглянув на Линь Шэня. Поджатые губы, дерзкий изгиб бровей, холодное лицо... что за капризы?

Линь Шэнь озадаченно нахмурился и продолжил жевать.

— И еще, папа, мама, пусть водитель заезжает за Жаньжань, когда забирает меня и брата. Нам по пути.

Поев, он тоже отправился наверх.

Чэнь Циньюй придвинулась к мужу:

— Дорогой, тебе не кажется, что Шэнь... кажется, он влюбился в Жаньжань.

— Мал еще влюбляться, не говори ерунды.

— Ты ничего не понимаешь! Это же детская любовь! Я читала в интернете, многие так растут вместе, и их чувства становятся очень глубокими. По-моему, Жаньжань — его «зеленая слива», а Шэнь — его «бамбуковый конь».

«Зеленая слива и бамбуковый конь» — что может быть романтичнее?

Завтра понедельник, нужно сдавать сочинение. Линь Шэнь по привычке пошел к Линь Исину, который уже давно писал за него все работы.

Он подошел к двери, повернул ручку...

Хм? Черт возьми, заперто.

Линь Шэнь нажал сильнее. Неужели дверь сломалась?

— Хозяин, почему бы тебе не подумать, что герой сам запер дверь?

— Не может быть, прошло столько месяцев, дверь никогда не была заперта! Я всегда входил без стука.

Линь Шэнь постучал:

— Эй, брат! Открой, дверь, кажется, заело! Эй, брат, ты там? Брат?

Похоже, его там нет. Линь Шэнь расстроено нахмурился. Как же быть с сочинением? Ладно, дождется, пока Исин вернется, и попросит помочь.

Система подумала, что это похоже на мужа, который натворил дел и был выставлен женой за дверь. Но Линь Шэнь ничего не понимал и продолжал беспечно проводить время.

Вернувшись в свою комнату, он надел наушники и принялся читать мангу.

В восемь вечера он снова подошел к двери брата. Все еще заперто. Неужели до сих пор не

вернулся? Не может быть...

— Хозяин, признай реальность. Герой все время был в комнате, он просто не хочет тебе открывать.

— Почему? Я же ничего ему не сделал!

Система наконец поняла, почему Линь Шэнь, обладая сногшибательной внешностью, оставался одиноким все двадцать лет... Талантливый человек одинок по собственному желанию.

Линь Шэнь постучал:

— Брат, ты там или нет, скажи хоть что-нибудь... Если тебя нет, так и скажи, а то я тут стою, устал уже.

Он вздохнул. Он ведь еще ребенок, ему всего восемь лет, почему он должен терпеть такие мучения?

— На улице ветер, если не откроешь, я простужусь и стану дураком!

— Хозяин... ты уверен, что там есть ветер?

Раздался щелчок, дверь открылась. Линь Исин стоял перед ним, глядя с равнодушием.

— Что-то нужно?

— Хе-хе, брат... — Линь Шэнь почесал затылок, глуповато улыбаясь. — Мне завтра сочинение сдавать.

Дверь с грохотом захлопнулась.

Линь Шэнь остался стоять перед дверью с застывшей улыбкой.

Какого черта?! Что происходит?

Может, он просто надоел Исину своими просьбами написать сочинение? В конце концов, кому захочется делать чужую работу, рано или поздно это должно было надоест.

Успокоив себя этой мыслью, Линь Шэнь вернулся в свою комнату и сел за стол.

Черт... давно он этим не занимался, от пары строчек уже в сон клонит.

Он упал на стол, покусывая ручку и бормоча:

— Не хочешь писать — так и сказал бы, зачем рожи корчить...

Это его жутко раздражало. Так, уткнувшись лицом в стол, он и уснул.

— ...Ты уверен, что тебя «жутко раздражало»? — хмыкнула Система.

Проснулся он, когда уже рассвело.

Линь Шэнь подскочил: черт, он же так и не написал сочинение!

Стоп! Почему он в кровати? И укрыт одеялом?

Неужели он настолько умен, что даже во сне может сам улечься в кровать и заботливо укрыться?

— Хозяин... с твоим интеллектом, мне кажется, ты еще не совсем проснулся.

— Тогда посплю еще... — Линь Шэнь со спокойной душой лег обратно и мгновенно уснул.

Система наконец поняла: после пробуждения этому хозяину нужно несколько минут, чтобы прийти в себя, и только после второго сна он окончательно просыпается.

Окончательно проснувшись, Линь Шэнь встал и начал собирать вещи. К своему удивлению, он обнаружил, что сочинение уже написано.

Легендарная «дева-улитка»...

Он положил тетрадь в рюкзак и спустился завтракать, а потом они с Исином поехали в школу.

Линь Шэнь чувствовал себя неловко:

— Брат, спасибо тебе.

Линь Исин промолчал, глядя в окно.

Все еще злится? Линь Шэнь придвинулся ближе и заискивающе сказал:

— Маленькая улитка, не сердись...

Линь Исин повернул голову:

— Улитка?

— Ты что, не знаешь легенду о дева-улитке? Это народное предание... — Линь Шэнь гордо улыбнулся.

«А знаешь ли ты, что в конце дева-улитка вышла замуж за главного героя?» — подумал Исин.

Увидев, что Линь Исин, кажется, перестал злиться, Шэнь облегченно вздохнул и решил снова попытать удачу:

— Дядя Чжан, разве не говорили, что Жаньжань будет ездить с нами? Почему её сегодня нет?

Водитель ответил, не отрываясь от дороги:

— Ей приходится вставать очень рано, чтобы успеть на автобус. Сегодня утром она ушла очень рано, я забыл предупредить.

Кто бы мог подумать, что слова маленького господина окажутся правдой? Он-то думал, это детские шутки... Дочь няни в роскошном авто — это было как-то не по правилам.

Линь Шэнь повернулся и увидел, что лицо Линь Исина помрачнело.

Черт, напугал... Линь Шэнь придвинулся ближе:

— Брат, слышал? Жаньжань каждый день встает так рано, чтобы ехать на автобусе...

— Такая послушная и милая, тебе не кажется, что ее немного жаль?

«Может, он заразился ее обаянием и влюбился?!» — Линь Шэнь с надеждой посмотрел на Линь Исина, но его лицо стало только холоднее.

«Жаньжань? Такая близость? Он даже меня никогда не называл ласково».

«Послушная? Милая? Жаль?» — взгляд Линь Исина потемнел, кровь в жилах закипела. Он должен уничтожить Хэ Жаньжань...

Линь Шэнь наконец осознал, что что-то не так, и осторожно позвал:

— Брат?

Линь Исин не ответил и даже не взглянул на него. Он боялся, что, посмотрев еще раз, не сможет сдержаться.

Ему хотелось срезать с Линь Шэня кусочки плоти и заполнить ими свою зияющую пустоту в сердце, обнять его кости и уснуть с ними навсегда. Чтобы никто больше не мог занять место Линь Шэня. Только он...

Линь Шэнь увидел, как глаза Линь Исина налились кровью, и его охватил необъяснимый ужас.

После уроков Линь Исин не стал ждать его у дверей. Линь Шэнь, пожав плечами, отправился искать Хэ Жаньжань.

— Жаньжань, пойдем со мной, нам по пути, так удобнее.

В классе еще оставалось много учеников, и, увидев, как Линь Шэнь разговаривает с ней, все уставились на них.

Хэ Жаньжань всегда была незаметной, и, оказавшись под прицелом стольких глаз, она покраснела.

— Не стоит, я... я могу сама дойти.

— Да брось, не будь такой официальной. Раз сказал — значит, пойдем вместе.

<http://bllate.org/book/24751/2923909>